

ЧЕХИ В КИТАЕ

Мы посетили Китай по приглашению Международного отдела ЦК КПК и нескольких научно-исследовательских институтов. Мы — это бывший секретарь ЦК КПЧ Зденек Млинарж, бывший директор чехословацкого радио Зденек Гейзлар, историк Михаил Рейман и автор этой статьи.

Все мы теперь в эмиграции и принадлежим к группе "Листы", которая издает одноименный журнал под руководством Йиржи Пеликана. Еще в прошлом году Йиржи Пеликан восстановил отношения со своим бывшим коллегой по Международному Союзу студентов Ху Яобаном, который совсем недавно стал Председателем коммунистической партии Китая. Вероятно, уже при их встрече возникла идея углубить связи эмигрировавших из Чехословакии бывших коммунистов с Китаем. В Китае после Мао очень интересуются тенденциями развития Восточной Европы и прежде всего вопросом о политических и экономических реформах в странах с коммунистическими правительствами.

Во время нашего пребывания в Китае мы попытались об этом рассказать. Слушали нас очень внимательно — как в кругах партийного аппарата, которые изучают проблемы Восточной Европы, так и в университетах Пекина, Нанкина и Шанхая, а также на фабриках, в сельскохозяйственных коммунах и жилых поселках.

Первые впечатления

Первые впечатления не были слишком благоприятны. Пустынный пекинский аэродром свидетельствует о все еще непреодоленной изоляции Китая от окружающего мира, а сам Пекин, несмотря на широту его бульваров и высоту правительственных зданий, которые построены, в основном, в шестидеся-

тые годы, все еще не выглядит как столица страны, население которой составляет одну четвертую населения всего земного шара. Первое впечатление походило на путешествие в прошлое — "возвращение в Москву", как говорили те из нас, кто знал Москву пятидесятых годов. Серость, безутешность, запущенные жилые дома, жилищный и транспортный кризис, нехватка товаров и велосипеды на всех дорогах. Но чисто: люди, их одежда и улицы. Нет никакого сравнения с улицами городов других недостаточно развитых в промышленном отношении государств, где нищета рождает мерзость запустения; или с некоторыми крупными городами Запада, где уличная грязь оказывается производной от растущего уровня жизни индивидуумов, которые перестают интересоваться общественными проблемами.

Но наши первые впечатления улучшились, как только начались беседы. Наши хозяева оказались людьми образованными, сдержанными, тактичными, внимательными. Это благоприятное впечатление становилось все сильнее и переросло в неожиданную для нас коммуникабельность, неожиданную потому, что страна эта нам — как, собственно, и мы ей, — очень чужда. Чтобы быстро понять друг друга, недостаточно стараться вникнуть в проблемы другого. Надо еще иметь свой собственный опыт, аналогичный опыту другого. Надо сказать, что с этой точки зрения мы оказались подходящими собеседниками. Мы выслушали взгляды людей, которые были не удовлетворены прошлым своей страны и несли определенную долю ответственности за это прошлое. И все же при обсуждении возможных реформ у них ощущалась некоторая неуверенность, известная подавленность идеологическими догмами. Ведь Китай, как и СССР, не имеет ни демократических, ни индустриальных традиций. Все это было нам знакомо. И в этом смысле можно сказать о путешествии в прошлое: наши дискуссии напоминали Прагу 1956 и 1962 гг., а встречи с более молодыми собеседниками — Прагу 1968 года.

Беседы наши были очень *откровенны*. Мы намеренно подчеркивали, кто мы, каковы наши позиции и в чем отличаемся от наших хозяев. Временами мы даже чрезмерно акцентировали наше критическое отношение, наш скепсис — лишь бы не возникло недоразумений, лишь бы не было иллюзий друг о друге. Но в конце концов мы убедились, что опасения наши напрасны. Не только сопровождавшие нас лица, не только наши собесед-

ники во время обсуждений, но и другие китайцы высказывали свои взгляды открыто и не всегда эти взгляды совпадали. Китайцы задавали множество вопросов, выслушивали возражения, но почти никогда не полемизировали — то ли из приличия, то ли по неуверенности, не знаю. Наши переводчики переводили откровенно и точно не только оригинальные, необычные высказывания, но и фразы и сведения, явно ошибочные.

Культурная революция

Культурная революция — несомненно, наиболее значительное явление китайской истории XX века. Парадоксально, что этот взрыв бескультурья был назван культурной революцией. Она до сих пор остается составной частью китайской жизни. Действующие лица этой трагедии — недавние охотники и их жертвы — еще живы; в большинстве они достаточно молоды и будут жить рядом на протяжении десятилетий.

Преобладающее большинство наших собеседников — работники партийных и государственных аппаратов, техническое руководство на предприятиях, профессора и доценты высших учебных заведений, студенты и др. — были в разной степени жертвами культурной революции. Многие из них в период с 1966 по 1976 гг. значительное время находились либо на перевоспитании в деревне, либо в тюрьме. Беседуя с ними, мы многое поняли, но многие вопросы так и остались без ответа. О культурной революции мы спрашивали практически каждого и, думается, нам удалось внести в истолкование этого феномена некоторый вклад.

Прежде всего — количественная сторона, число жертв. При первых же встречах с руководящими работниками аппарата ЦК КПК мы услышали закругленную цифру — 100 миллионов. Нам не нравятся так округленные числа. Кроме того, у нас уже был свой опыт с переводом числительных на китайский; в этом китайские переводчики ошибались чаще всего. Большие числа на китайском пересчитываются, и у переводчиков это не всегда получалось. Поэтому оценка количества людей, которых культурная революция затронула непосредственно, в сто миллионов, лишь усилила наше недоверие и побудила к дальнейшим попыткам докопаться до правды. "Хорошо, — сказали нам наши хозяева, — мы еще раз этот вопрос обсудим и попытаемся отве-

тить до вашего отъезда”. И действительно, так оно и было. Ответ был следующим: в соответствии с имеющимися данными, общее число непосредственно затронутых культурной революцией — от 20 до 30 миллионов человек, но если добавить к ним косвенные преследования членов семей, то количество жертв культурной революции действительно приближается к сотне миллионов человек. И, наконец, то, что нас интересовало больше всего, — количество погибших в культурной революции: убитые, растоптанные, избитые до смерти, замученные. Ответ — не менее миллиона человек. Если я не ошибаюсь, это пока самые точные и самые официальные китайские данные о культурной революции.

Для большей точности следует также отметить, что не все жертвы культурной революции пережили одинаково тяжелые мучения. Некоторые из них, кто попал в деревню, в коммуны на перевоспитание, жили более или менее сносно — люди к ним относились хорошо. А кое-кто из них признает, что им это пошло на пользу, поскольку в Китае разрыв между интеллектуалами и работниками физического труда огромен. Поэтому не лишне прямое знакомство с образом жизни тех, от имени которых интеллектуалы так часто выступают.¹

Остается еще вопрос о причинах культурной революции. Все мы знаем, что такое массовый психоз. Нельзя также недооценивать подливания масла в огонь “бандой четырех” или бандой тысяч им подобных. Нам совершенно ясны также идейные взаимосвязи вплоть до высказываний и учений “великого Мао”. И все же ни один из перечисленных факторов не объясняет, как же могло случиться, что рабочие, а иногда и студенты, оказались и на протяжении десяти лет оставались человеческой базой культурной революции? Почему?

Картина, которая выступила перед нами после того, как хозяйка ответила на наши вопросы, лишь подтвердила то, о чем мы уже догадывались. *Культурная революция была удивительным, парадоксально диалектическим восстанием масс против системы, при помощи или через посредство лозунгов и методов, которые присущи ей самой.* Это восстание не было наивно. Оно не достигло цели. Но ведь именно таких массовых выступлений больше всего в истории. Такое объяснение было не по душе политическим работникам Китая, но с ним откровенно соглашались технические руководители и профессора высших учебных

заведений. В Нанкинском университете профессора были в этом вопросе единодушны:

“Студенты аплодировали, когда нас посылали в деревню на перевоспитание, так как надеялись, что вместе с нами исчезнет авторитарность, нажим, строгие требования и т.п. Они аплодировали, пока не поняли, что без нас они только теряют время. Но тогда они поняли и то, что если скажут об этом вслух, их отправят за нами вслед. И некоторые на это решались”.

Директор завода точного машиностроения сказал нам:

“На несколько лет завод попал в руки кучки рабочих, в основном это были вечно неудовлетворенные крикуны, иногда — непризнанные таланты. Рабочие горячо соглашались на изгнание технического и политического руководства, так как в их глазах это были главные надсмотрщики, придиры, требовавшие от них большей производительности за меньшую зарплату... Они надеялись, что культурная революция принесет им легкую работу, отдых, улучшение жизни, а принесла хаос, невыполнение плана, наступивший экономический крах, который пытались скрыть от рабочих, но который все равно проявлялся в еще более низкой зарплате, в ухудшении уровня жизни и т.п. От революционного подъема не осталось и следа”.

Все совершенно просто (это уже говорит не директор завода, это мои слова) — наивный мятеж против непосредственного “классового врага”, который питался неточной марксистской, а в Китае к тому же и по-своему искаженной теорией классов, причем Мао эту теорию не только не углубил, но еще больше исковеркал. И нечего удивляться, что рабочий из всего этого месива выбрал именно то, что больше всего ему подходило в данный конкретный момент.

И еще одно замечание, быть может, самое важное: то, что число жертв насчитывало всего лишь миллион (мне даже стыдно писать про миллион — “всего лишь”), а не больше, — намного меньше, чем в Архипелаге ГУЛаг, — определилось, по всей вероятности, спонтанностью культурной революции. В Китае не было создано продуманной и постоянно усовершенствовавшейся

машины, поставляющей жертв и палачей, машины, которая, возникнув, уже сама великолепно печется о том, чтобы жернова разрушения не переставали молотить. Короче говоря, в Китае у секретной полиции, у полиции вообще, нет такой власти, как в странах "реального социализма" советского образца.

Но как можно добиться, чтобы этот взрыв варварства стал, наконец, вчерашним днем Китая? Путем суда над "бандой четырех" или других подобных судов? Мы не скрывали от наших собеседников, что подобных расчетов не разделяем. С политическими судебными процессами у нас свой опыт — Европы, СССР и Чехословакии. И дело не только в том, что вокруг подобных процессов начинаются манипуляции. У нас вызывает сомнение, возможно ли и целесообразно ли вообще приговаривать к наказанию отдельных лиц, когда в действительности речь идет об идейно-политическом массовом движении? Не уверен, поняли ли меня мои китайские собеседники.

Второй по влиянию коммунистический деятель Шанхая Ченг И, участник "великого похода", не скрывал своего убеждения в необходимости дополнительных судебных процессов. Он сказал даже, что виновники уже не только разоблачены, но и давно за решеткой. (Тогда к чему же суд? — подумали мы.) Но Шанхай — исключение: этот город был цитаделью культурной революции, а сейчас — это город наиболее рьяных нормализаторов. Эти явления наверняка и внутренне взаимосвязаны. В Пекине ответы были более туманными, более сдержанными, но и там были высказаны разные мнения относительно политических судов. У нас создалось впечатление, что культурная революция еще долго будет влиять на жизнь Китая.

Поиски китайского пути

Одной из основных тем наших разговоров с китайскими собеседниками было — что же дальше? В каком направлении будет развиваться внутривластная жизнь страны, главным образом ее экономика, ее социальный строй? Как будет Китай справляться со своими проблемами и как ему избежать повторения прошлых ошибок, не обманывая при этом население неосуществимыми надеждами, не вызывая в нем неизбежного разочарования от того, что они опять не сбылись? Как сохранить уважение к особенностям исторического развития Китая и од-

новременно модернизировать страну? Как повысить уровень жизни, как удовлетворить пробуждающиеся потребительские настроения? Правящая верхушка ищет *общую концепцию*, которая помогла бы избежать обострения социальных противоречий и напряженности. Руководителей предприятий и коммун интересуется, в первую очередь, как научиться использовать новую технику, как организовать производство и работу с людьми.

Все они — таково наследие перегруженных идеологией десятилетий — ищут ответа в "марксизме-ленинизме", вернее, в том, что им в течение многих лет преподносилось как "научное мировоззрение".

Китай беременен реформами. Но пока не ясно, будут роды или выкидыш. Внутренняя динамика общества, стремление к реформам проявляются на каждом шагу. Но есть опасность возможных ошибочных решений. Новый успех обернулся бы для Китая еще большим потрясением, чем ошибки прошлого.

Видимо, политическое руководство страны основное решение уже приняло. После выступления "модернизаторов", сгруппировавшихся вокруг Дэн Сяопина, и как будто бы победы некоего "люизма", то есть индустриальной альтернативы "маоизма", названной по имени Лю Шасци, был достигнут некий компромисс: не перегибать палку в реформах и индустриализации — ни в смысле темпов, ни в смысле объема реформ. Правда, следует ориентироваться на модернизацию, на промышленное развитие, но в то же время уделять первоочередное внимание становому хребту Китая — сельскому хозяйству и деревне! Китай не намерен повторять ошибки шаха Ирана, то есть слишком быстро и интенсивно модернизировать страну; Китай не намерен также подрывать свою казну ни чрезмерными капиталовложениями, как это сделали некоторые развивающиеся страны Африки, ни чрезмерной задолженностью, как в Польше.

800 миллионов деревенского населения Китая — решающий фактор. Это мы слышали неоднократно. Промышленность должна служить прежде всего им! Поэтому предполагается развивать преимущественно легкую промышленность, машиностроение, средства транспорта, сельскохозяйственное машиностроение, химическую промышленность, но и производство товаров широкого потребления. Предпосылка такого развития — продуманные и целеустремленные капиталовложения, но не в таких масштабах, как было в 1978 году, после заседания ЦК. В 1979 году

дефицит государственного бюджета Китая составлял 17, а через год — все еще 10 миллиардов юаней. Начали проявляться признаки инфляции, которые напугали не только экономистов, но и рядовых граждан, привыкших к мертвой неподвижности цен и заработной платы. Капиталовложения были сразу сокращены на 40 процентов, но опасения перед возможной инфляцией все еще выражаются в призывах к экономии государственных расходов.

“Трудолюбив, как китаец”?

Таким образом, в Китае сейчас акцентируется необходимость строительства производственных мощностей, которые должны обеспечить модернизацию страны, но в то же время подчеркивается и необходимость лучшего использования существующих ресурсов, повышения эффективности производства, производительности труда. Производительность и интенсивность труда в Китае низкие; выражение “трудолюбив как китаец” не соответствует действительности; сдельный труд — понятие в Китае неизвестное.

Люди устают от дороги на работу, так как живут они далеко, от продолжительного рабочего дня (в Китае, кстати, не бывает отпусков. — Ред.), от покупок, которые нужно совершать после работы, — больше, чем от самой производственной деятельности. Но и эта для нас само собой разумеющаяся ориентация на повышение эффективности, производительности, прибыльности — не так легко выполнима. В случае успеха она привела бы к ликвидации существующих по традиции при огромных сельскохозяйственных коммунах производственных цехов (например, цех по производству сигарет) и к объединению производственных мощностей в более крупные единицы, что сопровождается ростом безработицы, которая (как и на Западе относительно молодежи) становится в Китае первоочередной социальной проблемой.

Меняется отношение предприятий к государству, к плану, меняется также способ управления предприятиями. Производственные единицы в промышленности и в сельском хозяйстве работают по плану, в котором указаны лишь основные показатели, как правило, не сложные для выполнения. Дополняется же этот план заданиями, определяемыми самим руковод-

ством предприятия. Благодаря этому возросла самостоятельность предприятий, их ответственность и финансовая независимость. В некоторых случаях половина прибыли остается у предприятия или коммуны. На крупных предприятиях, которые работают на экспорт (их, впрочем, не так много, поэтому они не типичны) мы узнали, что государственной монополии на внешнеторговые операции уже не существует. Такие предприятия вступают в непосредственную связь со своими заказчиками и сопроизводителями за границей. Однако вырученной твердой валютой они распоряжаться не могут. Государственные же организации внешней торговли берут на себя юридическое оформление трансакций, обеспечивают предприятия Китая транспортом, решают вопросы пошлин и т.п.

О подлинном самоуправлении трудящихся пока даже говорить не приходится, хотя и в этом направлении многое изменилось за последние годы. В данное время на шести тысячах промышленных предприятий проводится эксперимент в области самоуправления и автономии производственной единицы. На многих предприятиях, наряду с профсоюзами, которые действуют в Китае, как и в других странах “реального социализма”, то есть “мобилизуют” трудящихся на трудовые подвиги и решают некоторые бытовые вопросы, создаются совещания представителей трудящихся, которые должны утверждать представляемую руководством предприятия производственную программу, задачи предприятия и разного рода изменения. Но эти совещания проводятся раз или два в год. Они недостаточно оперативны, так что основная власть на предприятии находится в руках технических руководителей и освобожденных политических работников, причем партийная организация все еще руководит техническими и административными кадрами предприятия. На шанхайском заводе точного машиностроения, на котором работает 6 тысяч человек, административный аппарат сравнительно мал — всего 128 работников, а получающих зарплату партийных работников — 40.

Подымающийся из руин культурной революции Китай наибольших успехов достиг пока в сельском хозяйстве. В соответствии с установками нового китайского руководства, сельскому хозяйству уделяется большое внимание. Повышается производство сельскохозяйственных продуктов, улучшается снабжение населения основными продуктами питания (трудно-

стей со снабжением сейчас почти нет, несмотря на неурожай в двух провинциях, из-за которого Китай даже обратился к международным организациям помощи).

Повышение закупочных цен на сельскохозяйственные продукты повысило заинтересованность производителей, а покупательная способность деревни возросла приблизительно на 23 миллиарда юаней. После хаоса культурной революции и правления хунвейбинов Китай производит сейчас большие капиталовложения в оросительную систему и т.п.

Больше демократии

Динамизм внутривластной жизни, недовольство прошлым, растущие требования населения, прежде всего молодежи (половина населения Китая младше 25 лет), давление внешних обстоятельств и уже начавшиеся экономические реформы — все это не может не повлиять на политическую систему коммунистического Китая. Дифференциация коммунистических стран — явление не новое. Китай и в прошлом, и в настоящее время мало похож на страны Восточной Европы. Маоизм (вопреки теории и высказываниям самого Мао в сороковые годы) вызвал в Китае к жизни более откровенную и всеохватывающую диктатуру партаппарата, чем в странах светского блока. Диктатура партии в Китае не была скрыта под вуалью государственности и "законности". Но диктатура аппарата затормозила возникновение особых влиятельных политических институтов (государственная тайная полиция Китая играет гораздо меньшую роль, чем аналогичная организация в СССР). Кроме того, диктатура аппарата КПК не была столь последовательной, а потому и столь жестокой. Коммунисты пользовались привилегиями более широко и открыто, чем в других странах. Коммунистическая партия Китая до сих пор остается партией избранных, в ней состоит всего 3 процента населения страны.

Но не следует забывать, что на фоне социальной истории Китая, на фоне его преимущественно феодальных, а не либерально-демократических традиций, коммунистическая система была для Китая своего рода демократизацией, а единодушие, согласие между правящими и управляемыми охватывали большее чи-

сло людей, чем в коммунистических странах Восточной Европы. И все же государственный и партийный бюрократические аппараты, которые в значительной степени переплелись, сложились и в Китае, а в количественном отношении они оказались крупнее, чем в других коммунистических странах. И если они не функционируют ни в негативном (в деле подавления), ни в положительном (в сфере управления) смысле, в отличие от бюрократических аппаратов стран Восточной Европы, то это можно объяснить низкой квалификацией кадров. Причины же низкого уровня китайских бюрократов я объяснить затрудняюсь. Но одна из них, вероятно, кроется в их особом отношении к идеологии, напоминающем религиозный фанатизм. "Левые уклоны" прошлого, о которых теперь в Китае очень много говорят, были не только последствием самого учения Мао, но и стили его изложения и интенсивности "веры" в него. Китаю явно недостает европейского скепсиса и индивидуализма.

До сих пор, после тридцати лет существования нового государства, в Китае отсутствует разработанный механизм функционирования политической системы. Скрупулезного разделения полномочий между государственными институтами там никогда не было. Отдельные общественные группы и их интересы представлены были хаотично, роль закона была слаба, законодательство Китая неудовлетворительно до сих пор. Культурная революция не внесла в жизнь Китая ничего в принципе нового. Она лишь довела до абсурда черты, которые были для него характерны и раньше: кажущаяся, но в действительности не существующая власть масс, которыми манипулируют; эффективная, но никем не контролируемая власть в значительной степени анонимного политического центра; обожествление идеологии; недооценка профессиональных знаний и неквалифицированность решений.

Уже наступившие и наступающие перемены в Китае (один из наших очень влиятельных собеседников определил их так: "больше демократии и цивилизации") не малы, но сама система ими пока еще не затронута. Что же переменяется? Прежде всего вследствие критики "левых уклонов" Мао ограничена роль демагогически трактуемой идеологии, которая в прошлом делала невозможными какие-либо прагматические или критические высказывания. В связи с этим больше акцентируется "деятельность руководства" и осуждается господствовавшая в прошлом

несистематичность. Посредством перемещения людей с одной должности на другие предусматривается нейтрализовать влияние чрезмерно сильных личностей. Это считается своего рода демократизирующей мерой. Но при этом складываются влиятельные группировки, и совсем не легко разобрать, что их связывает, каковы их цели. Изменилась кадровая политика. Можно заметить преимущественную ориентацию на специалистов и квалифицированных работников. Однако соответственно раздувается и политический аппарат, поскольку приходят новые, молодые, более квалифицированные, но почти никто не уходит.

Соответствующая реформа политической системы, как нам думается, находится еще в стадии обсуждения. Вот основные вопросы, по которым проведение реформ стало уже делом времени:

- разделение функций партийных и государственных органов;
- более точная формулировка понятия "руководящая роль компартии Китая", то есть освобождение специалистов в разных сферах общественной жизни от непосредственного вмешательства партийных органов;
- ликвидация кумулятивных должностей;
- постепенная внутренняя демократизация КПК;
- повышение роли рядовых членов партии и завершение строительства механизмов партийного контроля;
- разработка разделения законодательной и исполнительной власти;
- усиление роли парламента;
- модернизация юридической системы.

Китай и мир

Концепцию внешней политики какой-либо страны трудно узнать во время визита, как бы он ни был дружелюбен и хорошо организован. Гость узнает лишь то, что ему говорят, если ему вообще говорят правду. В нашем случае источником представлений о внешней политике Китая является лаконичная информация, которую роняли во время бесед, а также представленный нам специально уполномоченным китайским политиком обзор внешней политики Китая. Этот политик пожелал остаться неназванным, так как не хотел, чтобы его высказывания счита-

лись "официальными". Сейчас я попытаюсь, не цитируя его дословно, сообщить и прокомментировать основные пункты сказанного нам в Китае.

Китай считает, что в настоящее время нет никаких реальных предпосылок для разрядки международной напряженности. Скорее наоборот. Китай считает, что опасность вооруженного конфликта (или конфликтов), в котором будут принимать участие и сверхдержавы, сейчас возросла. Самым опасным временем Китай считает середину восьмидесятых годов. Исходя из опыта прошлых лет, Пекин настойчиво просит не воспринимать ошибочно его скептицизм. Он не признает правильным решение политических проблем при помощи вооруженных сил, ему совершенно очевидны возможные последствия вооруженных столкновений в настоящее время. Сам Китай не хотел бы решать своих споров с другими странами силой, но не уступит, если такой способ решения будет ему навязан.

Наибольшую опасность миру во всем мире Китай видит в глобальной советской стратегии, которая в различных частях земного шара осуществляется разными, часто противоречивыми средствами. По мнению китайского политика, цель этой стратегии заключается в установлении советской гегемонии в возможно большем количестве стран. Советский Союз, прежде всего, заинтересован ослабить связь между Европой и Соединенными Штатами, оказывать такое давление на Европу, чтобы постепенно добиться ее нейтрализации. В результате Европа окажется зажатой с севера и юга (с территорий некоторых африканских стран). Китайский политик считает также, что Москва очень заинтересована в возможности контролировать область Персидского залива; в приобретении недостающих ей военных баз, например, на юге Африки; в усилении своего военного присутствия на Дальнем Востоке и в возможности воспользоваться социальными противоречиями Латинской Америки. И все это во имя глобальной цели: загнать в угол американскую политику, которая уже долгое время носит оборонительный характер.

Что касается отношения Китая к Советскому Союзу, то в мире обращают внимание на идеологические споры большой давности. Но Китай намерен строить свою внешнюю политику не на идеологии, а на фактах. Такими фактами были диктаторские предложения Хрущева:

- строительство совместного советско-китайского флота;
- строительство совместной сети длинноволновых передатчиков в Азии;
- советская поддержка Индии во время конфликта между Индией и Китаем;
- отзыв из Китая советских экспертов;
- размещение советских войск в Монголии ("в прошлом -- нашей территории");
- пограничные инциденты и т.п.

Все эти факты обусловили внешнюю политику Китая.* Сейчас такого рода проблемы в межгосударственных отношениях СССР и Китая отсутствуют (межпартийных связей между КПК и КПСС в настоящее время нет.-- Ред.), но новые советские провокации могут случиться в любой момент. Китай и в дальнейшем будет исходить из тезиса Мао о "трех мирах" и не удовлетворен ни тем, что мир поделен между двумя полюсами, ни тенденциями "американского империализма" (так было сказано). Но все же воинственность советского гегемонизма в мировом масштабе настолько явна в последнее десятилетие, что между политикой США и СССР никак нельзя ставить знака равенства. Поэтому отношение Китая к Америке -- не краткосрочная тактика. Это положение было подчеркнуто в изложении китайского политика дважды. Китай стремится к развитию сотрудничества с Соединенными Штатами во всех областях, в том числе и в области обороны против советского гегемонизма.

Китайская оценка международного положения все еще остается, несомненно, проекцией страха перед советской опасностью и

* Редакторы журнала "Проблемы Восточной Европы" были в Китае за несколько месяцев до поездки группы "Листы". Во время одной из бесед китайский представитель ознакомил нас с тем, как рассматривает советско-китайский конфликт китайская сторона. Упомянув все приведенные А. Мюллером факторы, наш собеседник сказал:

"Коммунистическая партия Китая еще готова была признать КПСС старшим братом, но государство Китай никогда не признает старшим братом советское государство".

Государственный суверенитет -- для Китая вопрос первоочередной важности и, в отличие от малых стран, Китай полностью сознает свою возможность этот государственный суверенитет защитить. -- Ред.

необходимости развития контактов с США. Однако она еще не стала в Китае само собой разумеющейся. Она основывается на нескольких общих тезисах, на соображениях, эмоциях, но не на комплексе проверенных данных. Информации Пекину, как нам кажется, часто не достает.

Совершенно другое впечатление производят анализы китайских политиков, когда речь заходит об Азии, главным образом, об Индокитае. В этих вопросах наши партнеры явно чувствовали себя "на своем поле". Особое внимание они уделяли Вьетнаму и Кампучии. Уже с первых слов было ясно, насколько интенсивно китайцы занимаются этими странами и насколько эмоционально реагируют на связанные с ними события.

В прошлом китайская политика была, вероятно, более ошибочной и непоследовательной, чем это признается сейчас. Нас широко информировали о китайской помощи Вьетнаму за истекшие тридцать лет, начиная от непосредственной военной помощи в борьбе против французов и кончая материальной помощью северному Вьетнаму после 1954 года в размере двадцати миллиардов долларов и ста двадцати тысяч человек. Дезертирство вьетнамцев к "большим" гегемонистам (следует понимать -- к Советскому Союзу) за обещанную военную помощь для достижения "малой" вьетнамской гегемонии в Индокитае Пекин рассматривает как серьезный удар по престижу народного Китая, как конец грезам о ликвидации традиционных китайско-вьетнамских противоречий и как политическое поражение. И в данном случае Пекин считает, что инициатором политики Вьетнама была Москва, а не Ханой. Пограничные инциденты на китайско-вьетнамской границе, которые позже привели к китайскому наступлению, были, будто бы, инспирированы Москвой. Но, вопреки этому мнению, различия между своей внешней политикой и "однозначно агрессивной политикой Вьетнама" китайцы считают настолько принципиальными, что третий тур китайско-вьетнамских переговоров представляется невозможным. Предпосылкой последующих переговоров может стать только изменение курса вьетнамской политики.

По мнению китайцев, положение в Кампучии -- тоже не региональная проблема, даже не проблема одного только Индокитая.

"Не будь московского подталкивания и присутствия вьетнамской военной силы, не было бы и проблемы Кампучии" (так было нам сказано).

Но поскольку вьетнамцы находятся в Кампучии, они, несмотря на неудачу своего наступления в период суховеев 1980 года и неудовлетворительное снабжение воинских частей, находятся, по мнению наших китайских собеседников, в преимущественном положении, и войну против них следует рассматривать как долговременную.

Что же касается Индии, то, по мнению китайцев, ощущается обоюдостороннее стремление улучшить отношения во всех областях. Способствовала этому, в первую очередь, китайская политика, проводившаяся после вооруженного конфликта между двумя государствами. Например, жест доброй воли Китая, вернувшего Индии все захваченное оружие. Тень на китайско-индийские отношения набрасывает китайская поддержка Пакистана — извечного соперника Индии.

Меняются также методы китайской внешней политики и анализа ситуаций. В большей степени проводится различие между властью имущими и рядовыми гражданами отдельных стран. В китайской политике заметно стремление к установлению контактов не только с правительствами, но и с влиятельными движениями и оппозициями других стран. Китайцы больше стараются разобраться в различиях между странами. Это особенно ярко проявилось при оценке стран Восточной Европы. Пекин стремится установить корректные отношения (как нам сказали) и заинтересован в развитии торговых, научных и культурных контактов. Большого он пока не ожидает. С теми странами Восточной Европы, с которыми это станет возможно, будут развиваться и политические связи. Исключения представляют не только Югославия и Румыния (их тесные связи с Китаем известны), но и Польша. Создан китайско-польский торговый флот, насчитывающий более двадцати судов. Как нам показалось, в отношениях со странами, расположенными на восток от Эльбы, Пекин не хотел бы захлопнуть за собой двери, так как надеется, что может настать время, когда не только их население, но и правительства займут критическую позицию по отношению к СССР. При существующих ныне в некоторых странах Восточной Европы режимах это мало вероятно. Поэтому Пекин больше заинтересован в контактах с силами внутренней оппозиции в них и их союзниками в эмиграции.

1 В „The New York Time Magazine” от 26 июля 1981 г. американский журналист А. Розенталь, возвратившись из Китая, писал: ”В 1979 г. в Вашингтоне состоялся ужин в честь Дэн Сяопина. На ужине присутствовала американская журналистка, много и восторженно писавшая о маоизме. На ее замечание, что известный китайский физик считает годы своего переспитания в деревне лучшими, Сяопин сказал: ”Он лжет”. — Ред.